

Svetlana Musenko

Семейные проблемы в творчестве Элизы Ожешко и Генрика Сенкевича : (аллегория и реальность)

Prace Polonistyczne / Studies in Polish Literature 61/1, 61-70

2006

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Светлана Мусиенко

ПРОБЛЕМА СЕМЬИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕЛИЗЫ ОЖЕШКО И ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА (АЛЛЕГОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ)

Среди известных прозаиков польской литературы XIX в. периода позитивизма и реализма вот уже более 100 лет привлекает внимание читателей и исследователей Элиза Ожешко не только талантом, новыми взглядами на жизнь и принципами творчества, но и своим гражданским мужеством и смелостью, которые нашли отражение в ее произведениях и общественной деятельности, а главное в отношении к людям.

Не меньшей популярностью пользовался и младший современник Ожешко Генрик Сенкевич — блистательный художник слова, мастер сюжетной интриги, умеющий до последних эпизодов каждого своего произведения держать в психологическом напряжении читателя. Был и остается одним из любимейших писателей и в XXI веке.

Оба они открыли новую страницу в истории польской литературы, показав читателю красоту и трагизм реального мира, поиски смысла жизни и страдания маленького человека, создав во многих проявлениях надвременные модели экзистенции личности и общества. Поэтому их творчество не утратило актуальности и до сегодняшнего дня.

Из всего богатого наследия писателей и, согласно теме конференции, выбрана для исследования одна из наиболее значимых проблем их творчества — семья и принципы ее жизни в различных социальных условиях и исторических эпохах. Обоим писателям свойственны эпический склад мышления, внимание к актуальным проблемам современной жизни и историческому прошлому своего народа и философско-аналитический подход к изображаемому материалу. Для анализа выбраны произведения, в которых проблема семьи имеет многоаспектное

Swietlana Musijenko (ur. 1939) — profesor zwyczajny doktor habilitowany, kierownik stworzonej przez siebie w roku 1989 Katedry Filologii Polskiej Państwowego Uniwersytetu im. Jan-ki Kupały w Grodnie, założycielka Muzeum Zofii Nałkowskiej (1989). Bada powieść polską w XIX i XX ww. oraz polsko-białorusko-rosyjskie związki literackie. Ma w dorobku około 150 prac naukowych, w tym dwie książki: *Twórczość Zofii Nałkowskiej* (1989), *Polska powieść realistyczna lat 20.-30. XX st.* (2003). Redagowała i umieściła kilka rozdziałów w 3. tomowym podręczniku *Historia literatury polskiej dla szkół polskich na Białorusi*.

освещение, способствующее использованию писателями реалий современности и исторического прошлого. Последнее дало возможность ввести в творческую практику новый художественный прием — исторический костюм. У Ожешко — это роман «Над Неманом» и сборник рассказов «Gloria victis», у Сенкевича романы «Семья Поланецких», «Крестоносцы» и *Quo vadis?*

Однако если проблему семьи рассматривать в контексте развития европейских литератур XIX в. в эпоху реализма, то в них, начиная с творчества Стендаля и Бальзака, обращается особое внимание на процессы распада семьи и разрушения семейных связей. Причина подобного отношения к проблеме семьи объясняется особенностями эпохи, главным героем которой становятся деньги, они определяют судьбу человека, семьи, общества. Они разрушают семейные и все другие родственные связи, порождая все возложенные трагедии семейной и любовного характера, обостряют конфликты между отцами и детьми, разрушают складывавшиеся веками устои семейной и общественной жизни. Примерами и убедительными свидетельствами этого печального явления служат произведения лучших мастеров слова: Стендаль *Красное и черное*, Бальзак *Отец Горюи*, *Евгения Гранде*, Достоевский *Братья Карамазовы*, Л. Толстой *Анна Каренина*, В. Теккерей *Ярмарка тщеславия*, Г. Мопассан *Жизнь*, Э. Золя — цикл романов *Гурон — Маккары* и многие другие. В определенном смысле исключение представляла литература польская, представившая семью как одну из самых больших ценностей жизни и придавшая ей наиболее значимую роль.

В этом случае следует учесть социально—историческую обстановку в Польше и ее огромное влияние на развитие не только литературы, но всей культуры и главное общественного сознания народа, жившего в условиях национальной раздробленности и политического притеснения. Литература, таким образом, должна была не только призывать к борьбе, но и укреплять дух народа. Цензура стран—захватчиц, естественно, не позволяла писать обо всем открыто. Этим объяснялась активизация поисков таких художественных средств и приемов, которые помогли бы спасти деятелей культуры от преследований и запретов цензуры, а народу и читателям дали бы возможность понять свободолобивые идеи, проповедуемые литературой. Сложившиеся условия способствовали развитию в художественных произведениях приема исторического костюма для решения животрепещущих вопросов современности. Проблема семьи и обращение писателей к показу семейных устоев помогала решать проблемы как семейно—бытовые и психологические, так и социальные и политические. Разрастание роли и функций семьи, в особенности в реалистическом и позитивистском романе, происходило в направлении от показа частной жизни, любви мужчины и женщины и их взаимоотношений (семейные и бытовые перипетии и любовные приключения) к изображению семьи в общественных и политических деяниях (деятельность семьи как ячейки общества, ее участие в решении задач общественного характера, представительство семьи в социальных структурах общества). И, наконец, придания ей функций аллегорических и символических, связанных с участием семьи в событиях большой исторической важности (решение проблем земли и родины, рождения и защиты государства, а позднее борьбы за независимость родины).

Решение проблемы семьи привело к изменению взглядов на ее роль в литературе: эта тема становится исходной, помогающей установить иерархию ценностей в жизни общества и дать возможность последовательного расширения охвата действительности и проникновения писателей в причинность явлений. Чтобы подчеркнуть значимость темы семьи в творчестве Генрика Сенкевича 90-х гг. XIX в., Иоланта Стахельска предлагает следующий троп: *Eros – Sacrum – Polska*, с помощью которого, как размышляет литературовед, Сенкевич, возможно „Zamierzał w jakiś sobie właściwy sposób uporządkować Polską rzeczywistość współczesną¹”.

Элиза Ожешко все эти проблемы воплотила практически в одном романе *Над Неманом*, Сенкевич же „распространил” их почти на все творчество, правда в различной степени их важности. Отмечу, что наиболее своеобразно к решению семейной проблематики он подошел в романах «Семья Поланецких», «Крестоносцы», *Quo vadis?* Ожешко определила Сенкевича почти на десять лет. Однако в столь небольшом отрезке времени можно говорить не об использовании ее традиций, а об индивидуальности, оригинальности и неповторимости творческих принципов каждого из писателей. Обращение Ожешко и Сенкевича к семейной проблематике и ее художественное выражение можно считать первым шагом к созданию нового типа романа: романа-саги, или семейной хроники, который оформится в самостоятельную жанровую структуру только в начале XX века (Т. Манн *Будденброки*, Д. Голсуорси *Сага о Форсайтах*, М. Домбровская *Ночи и дни*, З. Налковская *Нетерпеливые* и др.).

Ожешко и Сенкевич представили семью в трех аспектах повествования и в различных временных категориях: семья в бытовых и психологических реалиях конкретной эпохи в прошедшем и настоящем времени. У Ожешко – это любовные приключения и семейная жизнь Яна и Цецилии (*Над Неманом*). У Сенкевича любовный «треугольник» Дануся-Збышко-Ягенка разрушается смертью Дануси и приводит к женитьбе оставшихся в живых героев Збышка и Ягенки (*Крестоносцы*). События жизни обеих семей писатели относят к давно прошедшим именам и потому обе семьи обретают мифологические черты, а точнее становятся семьей-мифом, но мифом польским. Они живут во имя процветания родины. Поэтому в обоих произведениях миф возвращается в реальность последней трети XIX века и обретает черты конкретной жизни, понятной жителям Польши не столько прошлого, сколько настоящего времени. Обе семьи строят дома, возделывают поля, трудятся, рожают детей, т.е. выполняют свое предназначение, биологические и цивилизационные функции: творят добро жизни и украшают землю, на которой создают свою родину. Эта земля прекрасна, поскольку освещена их любовью. Герои Ожешко и Сенкевича живут в разных местах: первые – над Неманом, вторые – на Полесье, но несмотря на расстояние, представителей обеих семей роднит общность идеалов – любовь к родной земле. Можно назвать это чувство их главной миссией жизни, причем имеет она значимость и нравственную, и политическую. Обоим писателям удался

¹ J. Sztachelska *Czas i zakłęcie Sienkiewicza*, Białystok 2003, s. 137.

показ не только «рождения» страны, но и становление польского национального характера. У Збышка Сенкевич считает главной чертой рыцарскую честь. Его герой сражается под Грюнвальдом, побеждает крестоносцев, положив конец страданиям народа, длившимся целые столетия. Эта битва была определяющей в истории Польши, что прежде всего отмечает автор:

Ciężki był dzień i straszny plon tego żniwa, ale oto nadchodzi wielki, Boży, radosny wieczór.

Więc niezmiernie szczęście rozjaśniło twarze zwycięzców, bo rozumieli wszyscy, że to był wieczór kładący koniec nędzy i trudom nie tylko dnia tego, ale całych stuleci... I nie tylko przeniewierczy Zakon krzyżacki leżeł... u stóp króla, ale cała potęga niemiecka zalewająca dotychczas jak fala nieszczęsne krainy słowiańskie rozbiła się w tym dniu odkupienia o piersi polskie².

Из описания этой битвы, отметил Константы Войцеховский,

bije z szczególną siłą gorąca, namiętna miłość ojczyzny, wiara w ostateczny triumf dobrej sprawy, sprawiedliwości. Autor w tym jedynym miejscu nie może się powstrzymać, by nie przemówić wprost od siebie. Rozbiła się „fala zalewająca nieszczęsne krainy...” Więc tobie, wielka święta przeszłości, i tobie krwi ofiarnej, niech będzie chwala i cześć po wszystkie czasy³.

Итак, слава Польши добыта на поле брани ценой огромных жертв, но благодаря объединению усилий народа, выступившего, как единая семья.

Семья Яна и Цецилии создает страну любовью и трудом на земле. С этой легендой связаны удивительные факты. На берегу реки Неман, около деревни Богатыревичи, над высоким обрывом стоит одинокий могильный камень с таинственными надписями, которые ученые до сих пор не могут расшифровать. Легенды о Яне и Цецилии, введенной Элизой Ожешко в роман *Над Неманом*, ни в польских, ни в белорусских фольклорных записях не обнаружено. В связи с этим, можно предположить, что ее сочинила и использовала в качестве вставной новеллы сама писательница. Этот семейный миф она в определенной степени «материализовала», снабдив своих героев фамилией реально существовавших людей Богатыревичей, род которых как и название деревни существует и до ныне. Происхождение ни этой фамилии, ни названия деревни не известно, не вызывает сомнения лишь этимология грамматическая. Согласно же роману, эту фамилию его героям дал король за их кропотливый труд и любовь к земле, когда увидел эту землю отвоеванной у пуши и возделанной многоплодной семьей.

Ale żeś był bohaterem męznym, który tę oto ziemię dzikiej puszczy i srogim zwierzom odebrał, a zawojowawszy ją nie mieczem i krwią, ale pracą i potem, piersi jej dla mnogiego ludu otworzył, a przez to ojczyźnie bogactwa przyrnażając, przeto

² H. Sienkiewicz, *Krzyżacy*, oprac. T. Bujnicki, Wrocław 1990, t. 4, s. 245–246.

³ K. Wojciechowski, *Henryk Sienkiewicz*, Lwów 1925, s. 108–109.

dzieciom twoim, wnukom i prawnukom, aż do najdalszych pokoleń i samego wygaśnięcia rodu twego, nadaje nazwisko od bohaterstwa twego wywiedzione. Tu z prawicą wyciągniętą nad zdumiałym ludem król donośnym głosem wypowiedział: – Oto ten ród, idący od człowieka z kondycji pospolitego urodzenia, idzie w porównanie ze szlachtą rodowitą krajową i wszystkich praw stanowi rycerskiemu odpowiednich oddać aż do wygaśnięcia swego używać ma i takowe wykonywać. Nobilituję was i nakazuję, abyście nosili nazwisko Bohatyrowiczów, a pieczętowali się klejnotem Pomian, który jest żubrzą głową na żółtym polu osadzoną, jako pierwszy rodziciel wasz pokonał żubra i z odwiecznego jego siedliska uczynił to wdzięczne i obfitością ciekące pole⁴.

Семья у обоих писателей – явление динамичное: разрастание семьи и Богатыревичей и Богданцев показано в пространстве и во времени. Знаменательно, что и в *Над Неманом* и в *Крестоносцах* начало семейного становления совпадает с началом обретения Польшей государственной самостоятельности. В идейном плане это значит: живет семья, поскольку живет Родина. Ожешко и Сенкевич обратились к героическому прошлому, чтобы показать его значение и извлечь уроки героизма предков. И в данном случае можно говорить и о введении в эстетический оборот нового художественного приема – исторического костюма, который оба автора использовали для поддержания духа (*pokrzepienie serc*) своих современников. Великое историческое прошлое Родины, созданной единой семьей – народом, воплощает веру в его освобождение в период неволи в XIX веке.

Сравнивая принципы реализации этой идеи у Ожешко и Сенкевича, Юзеф Бахуж пишет:

Sienkiewicz udowodnił, że względ na cenzurę nie stanowi alibi, gdy się chce mówić o „idei ojczyzny”... że społeczeństwo oczekuje tej idei i że emocjonuje się taką jej formułą, jaką otrzymuje. Sienkiewiczowska wersja „idei ojczyzny” nie powinna zostać – było to stanowcze przekonanie Orzeszkowej – jedynym ani ostatnim słowem polskiego myślenia politycznego.

Zaryzykowała więc „przemyt” na wielką skalę... o tyle trudniejszy i wymagający większej odwagi niż „Trylogia”, że nie osłonięty przebraniem historycznym, a na dodatek dotyczący neuralgicznej dla Rosjan sprawy 1863 roku. Chciała – podobnie jak Sienkiewicz – pokrzepiać, jednak nie poprzez odejście od obolalej współczesności ku zwycięstwom militarnym sprzed wieków, lecz poprzez ponowne przemyślenie doświadczeń znajdujących się w zasięgu pamięci jej pokolenia⁵,

или, иными словами, показать жизнь семьи Богатыревичей в современной писательнице действительности, но переживающей трагедию январского восстания. Как утверждает Ожешко, семья уже не отличается такой спаянностью, как в историческом прошлом. Богатыревичи сосуществуют рядом с шляхетской семьей Корчинских. И если раньше значимость человека определялась трудом

⁴ E. Orzeszkowa, *Nad Niemnem*, oprac. J. Bachórz, Wrocław 1996, t. 1, s. 225–226.

⁵ *Ibidem*, s. XXV.

и любовью к родине, то после драмы разгрома восстания прибавилась еще одна определяющая, причем едва ли не самая главная – отношение к восстанию. Обими семьями его подавление воспринималось не как поражение, а как трагедия. Впоследствии Ожешко выразит ее в ёмкой формулировке, определяющей суть трагедии: *gloria victis* – слава побежденным. Следует обратить внимание на факт, который особо подчеркивает Ожешко, что в семье Богатыревичей, олицетворяющей в романе крестьянство, народ, предателей восстания не было.

В период романного времени – после подавления восстания свою деятельность активизирует шляхетская семья Корчиньских, у которой писательница отмечает неоднородность деяний и противоречивость интересов. Социально–политические проблемы шляхты как одной из наиболее значимых социальных групп Ожешко перенесла в плоскость жизни одной семьи, придав ей тем самым функции не только социальную и политическую, но философскую и аллегорическую (*Над Неманом*). Сенкевич остается верным главной идее своего творчества – укрепление сердец народа, но реализует ее средствами материала, взятого также из современной ему действительности (*Семья Поланецких*). Таким образом, оба писателя с помощью семейной проблематики предпринимают оригинальную попытку реализовать в практике художественного творчества главные принципы философии позитивизма – единения здоровых сил общества и идею органического труда на благо народа в условиях неблагоприятных для борьбы – в период национального и политического притеснения. Объединяет Ожешко и Сенкевича как сама идея решения актуальных проблем программы позитивизма, так и средства и способы ее реализации в художественном творчестве, которое по сути является фактом работы писателей «у основ», или привлечения широких масс читателей к участию в создании новой Польши. Ожешко видит возможность социального и интеллектуального оздоровления общества с помощью соединения семей, олицетворяющих народ (крестьянство) в лице Яна Богатыревича и прогрессивной шляхты в лице Юстины Ожельской. Факт женитьбы героев приобретает смысл аллегорический. Ожешко весь их роман, их любовные перипетии окружает аурой романтической возвышенности: встречи влюбленных проходят на лоне природы, в ее очаровательном уголке, у излучины Немана. В подобной ауре представлены картины крестьянского труда на полях, песни, праздничные одежды крестьян, идущих на жатву. Наднеманская природа сопутствует и благоприятствует героям. Символическую и аллегорическую роль выполняют и различного рода детали, не заметные на первый взгляд, но с их помощью создается особая психологически гармоничная атмосфера повествования. Тропинка, протоптанная влюбленными от Корчина до Богатыревич (по ней и пришла Юстина в семью своего возлюбленного Яна), олицетворяет единение шляхты и крестьянства. Символами органической связи истории и современности и живой памяти трагедии восстания 1863 года является геометрическое размещение повествовательных и сюжетных «узлов», выраженных в романе своеобразными треугольниками: первый – соединяет могилу Яна и Цецилии, стоящую над обрывом, с Корчином и Богатыревичами, второй – могилу повстанцев, спрятанную в лесу, с этими же

„семейными” гнездами крестьян (Богатыревичи) и шляхты (Корчин). Все повествовательные узлы и пространственные планы романа соединяет Неман, олицетворяющий безостановочное движение жизни. Однако Ожешко создает возможность продолжения себя в будущем далеко не всем представителям семейного клана Корчинских. Скажем, породнившийся с ними аристократ Теофил Ружиц не только не сумел создать семьи, но и обречен на медленное умирание: он поражен физическим (морфинист) и социальным (космополит) недугами; страдает отрешенностью от жизни Эмилия; предал родину, служит царю и живет в Петербурге Доминик Корчинский, предал родину и идеалы восстания и молодой художник Зигмунт Корчинский.

Несколько иначе выглядит современность в романе Сенкевича *Семья Поланецких*. Об этом произведении уже более ста лет критика высказывает самые противоположные суждения. По художественному воспроизведению реальности и приемам и средствам эстетической выразительности *Семья Поланецких* является предтечей романа-семейной хроники, хотя идея его тесно связана с идеей времени — освобождения и объединения Польши. Герой произведения «симпатичный аферист» Станислав Поланецкий побеждает все препятствия и совсем не считается с принципами морали в борьбе за возвращение владений своих предков. Он не только обретает собственность и дом, но и завоевывает сердце любимой женщины, которая становится хорошей хозяйкой и родит ему сына. Станислав Поланецкий — человек интеллигентный, но и хищный. Он соединяет в себе черты любящего мужа и отца и эгоистичного собственника. Справедливости ради следует подчеркнуть, что именно тяга к собственности помогла ему «вырвать из рук фанфарона, который совсем не умел вести хозяйство», владения предков. В данном случае внимание к показу собственнических устремлений героя, которые Сенкевич прослеживает в мельчайших подробностях, все же не является главным вопросом романа. Оно лишь способствует проявлению проблем более важных, связанных и с общечеловеческими, и с национальными ценностями. Выделим их как два главных сюжетно-идейных узла романа. Первый — определяет поиск места и смысла жизни на земле и, по сути, с его помощью автор реализует тезис Вольтера: *Каждый должен возделывать свой сад*⁶, т.е. выполнять свое предназначение на земле. Что касается национальных идеалов, то главным для Польши было обретение независимости и объединение народа в борьбе за нее. За приключениями и хозяйственными аферами Поланецкого скрывались важнейшие вопросы времени и стремление к их решению, воспринимавшееся как укрепление сердец. Поэтому герой и побеждает во всех своих начинаниях: обретает свой дом, создает семью и родит сына.

Итак, проблема семьи обоими писателями решается в двух измерениях: в национальном и общечеловеческом. В романе «Над Неманом» Ожешко и в «Крестonosцах» и *Семье Поланецких* Сенкевич воплощают ее по-разному

⁶ Вольтер, *Орлеанская девственница. Магомет. Философские повести*, Москва, «Художественная литература» 1971, с. 489.

в плане художественном, однако в плане идейном оба писателя приходят к одинаковым выводам: призыву к борьбе за свободу.

Общечеловеческим проблемам Ожешко посвящает сборник новелл *Gloria victis*⁷, Сенкевич — роман *Quo vadis*⁸. Оригинальность решений общечеловеческих задач у обоих писателей заключается в том, что эти решения они рассматривают не только в контексте своего предыдущего творчества, но и проецирует их на польские национально-освободительные проблемы.

Аллегорический смысл идеи семьи в рассказах сборника *Gloria victis* можно понять при условии логического объединения его с романом «Над Неманом», в котором Ожешко обращает внимание на факт, что в одной могиле похоронены повстанцы, представлявшие крестьянскую (Богатыревич) и шляхетскую (Корчинский) семью. Об этой же могиле повествуется и в *Gloria victis*, но уже не от имени людей, а от свидетелей трагедии — сил и явлений природы. Если в *Над Неманом* Ожешко не упоминала ни даты восстания, ни называла имен его участников, то в сборнике обозначено время разыгравшейся трагедии — 1863 год, названы места, в которых она происходила — Кобрин, наднеманский лес, и даже прозвучало имя вождя — Ромуальд Траугутт. Писательница показала роль восстания для польского народа: оно стало его легендой, героическим мифом и изменило сложившийся в 1863 г. принцип: «*Vae victis*» на *Gloria victis*. Любопытно, что Ожешко ввела и новую версию легенды о влюбленных с новыми именами — Марысь и Анелька, которым, в отличие от Яна и Цецилии, семье создать не удалось. Марысь погиб во время битвы и был похоронен в общей могиле. Из библейского символа в «Над Неманом» она превращается в символ героизма польского народа в *Gloria victis*.

A Wiatr pędki od nieznannej, bezimiennej, wielkiej mogiły, leśnej leciał, niosąc i niosąc w przestrzeń, w czas, w pamięć, w serca, w przyszłość świata triumfem dalekiej przeszłości rozbrzmiewający okrzyk:

— *Gloria victis!*⁹.

Генрик Сенкевич в романе *Quo vadis?* решает проблемы семьи в категориях диалектики или принципа вечного движения жизни. Это движение заключается в умирании, или уходе в небытие тех явлений, которые противоречат логике развития жизни. Речь идет прежде всего о двух измерениях времени: время в понимании человеческого существования, или жизни отдельного человека (индивидуальные судьбы героев, представляющих различные социальные слои общества), а также существование явлений, препятствующих естественному течению жизни (диктатура).

⁷ Согласно жанровым принципам XXI ст. сборник *Gloria victis* можно считать романом с расслабленным сюжетом.

⁸ В 1956 г. роман Сенкевича был переведен на белорусский язык римским священником-белорусом Петром Татариновичем. Второе издание было осуществлено в Минске только в 2002 году.

⁹ E. Orzeszkowa, *A. B. C. Gloria victis*, Warszawa, 1982, s. 51.

К второму измерению времени автор *Quo vadis?* относит вечные ценности, которые этой вечности и принадлежат, проявляясь в эстетическом (красота и наследие античного искусства) и этическом (христианские заповеди) ракурсах человеческой жизни, т.е. человек является частичной вечности.

Прием исторического костюма позволил Сенкевичу показать «красивое» умирание деформированного диктатурой древнего Рима вместе с его прославленными деятелями культуры (Петроний) и последним диктатором — неудачным стихотворцем Нероном. Нерон прежде всего уничтожил свою собственную семью, ввел во дворец любовницу, необыкновенно прекрасную внешне, но уродливую душой куртизанку, которая поощряла преступные деяния властелина. Одержимость злой волей ведет Нерона к уничтожению Рима, а в результате погибает и он сам. Итак, уничтожение семьи стало причиной уничтожения государства и всех систем его управления. Зло обречено на смерть, но процесс его умирания бывает очень длительным и мучительным для человечества, как произошло и происходит с диктатурой.

Согласно закону диалектики, в процессе рождения нового участвуют два противоположных фактора: смерти и рождения. С фактором рождения связана жизнь и, как правило, новое рождается в муках. Законы биологии Сенкевич перенес на общественные явления, показав смерть диктаторского Рима и рождение христианства. Его новые гуманистические принципы, как и само христианство, рождалось в муках и страданиях его сторонников и носителей. В романе сравнительно небольшая группа христиан вступила в борьбу с огромной и сильной машиной власти диктатуры и жестоким Нероном, противопоставив ему не ружья, а единство и любовь. И это принесло победу христианам. Сенкевич показал их как единую семью, которая прирастала не только биологически с рождением новых людей, но прежде всего увеличением количества сторонников новой религии. Эта семья объединена любовью и добродетельностью, которые дают людям силу и мужество, чтобы выстоять в массовых пытках, убийствах, страданиях. Они победили потому, что на их стороне была не только правда, но и логика развития жизни.

Что же имел в виду Сенкевич, когда показывал в красках и цветах красоты античного Рима и одновременно раскрывал кровавую жестокость диктатуры? С чем сравнивались и какие аналогии напрашивались при чтении страниц *Quo vadis?*, с описанием пыток и мучений первых христиан? Догадаться не трудно, что автор открывал читателю современную ему, пронизанную болью и страданиями действительность восстания 1863 г. и его жестокого подавления.

Элиза Ожешко в *Gloria victis* соединяет реквием с гимном, воспевая это же восстание, чтобы память о нем была жива. И поэтому завещает реально живущим на месте трагедии людям по фамилии Богатыревичи менять крест на могиле легендарных героев Яна и Цецилии и приходиться к могиле повстанцев в наднеманском лесу, чтобы почтить их память. Сенкевич создает из истории античного Рима прекрасное прозрачное покрывало, под которым болит и бьется в страданиях живая трагичная современная автору реальность, взывающая поляков к борьбе за свободу. Ведь народ — это единая семья...

Светлана Мусиенко

ПРОБЛЕМА СЕМЬИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕЛИЗЫ ОЖЕШКО
И ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА (АЛЛЕГОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ)

(summary)

The article deals with the problem of family in the works of Eliza Orzeszkowa (*Nad Niemnem, Gloria victis*) and Henryk Sienkiewicz (*Rodzina Potanieckich, Krzyżacy, Quo vadis?*). The authors show family in 3 aspects: family in everyday life and psychological realities, family as part of society and family as national myth of existence of the nation. All that determined function and purpose of family in three time categories: historical past, present (the period of national oppression) and future (struggle for the freedom of Poland).